

Глава восьмая
ЗАГАДОЧНАЯ ВСТРЕЧА

Спустя шесть дней после моего переезда через озеро Леман я возвращался в Швейцарию. Нельзя было оставлять агентов одних, к тому же Генрих и Губерт могли с минуты на минуту возвратиться из «турне».

Излишне говорить, что я изменил свою внешность. Я отпустил усы, на моей верхней губе росла некрасивая щетина с заметной проседью. На мне был прекрасный новый костюм, в боковом кармане у меня был паспорт, выданный префектурой Дижона на имя Луи Тибо, коммерческого представителя. Я состоял на службе у фирмы Рюмоне (бургундские вина в бочках и бутылках), должен был большей частью работать в Швейцарии и на востоке Франции. Фирма снабдила меня печатными тарифами с перечнем товаров. От военной службы я был освобожден вследствие нервного потрясения, и командующий... округом выдал мне соответствующие бумаги.

Поезд мчал меня в Лозанну. Я сидел один в купе, задумчиво глядя вдаль, любовался проносившимся мимо пейзажем и вдыхал осенний воздух, врывающийся в открытое окно.

Но вдруг шум открывающейся двери отвлек меня от моих мыслей. В купе вошла путешественница, крикливо одетая, с несколько дерзким выражением лица. Не глядя на меня, она подошла к окну, поставила сначала свой чемодан на сиденье, потом постаралась поднять его на верхнюю полку. Не отличаясь галантностью, еще менее предупредительностью, я не торопился помочь ей. Ее движения были гибки и гармоничны, а крепкое тело, видимо, не чуждо спорту.

Я встал с места и предложил помочь. Она поворачивается ко мне. На меня глядят зеленовато-голубые неприветливые глаза. Потом она отступает на шаг. Как легок этот чемодан! Возможно ли, что хозяйка его, выглядевшая настоя-

ной амазонкой, не сумела поднять на полку подобную незначительную тяжесть? Серьезный голос говорит мне по-французски:

— Благодарю вас, вы очень любезны, — и незнакомка оживляется. В то время как она сидела в своем углу полузакрытыми глазами и, казалось, мечтала о чем-то, внимательно наблюдал за ней. Это была красивая женщина с завязанными узлом волосами цвета спелой пшеницы, высоким лбом, красными губами и упрямым подбородком. Но привлекательнее всего были глаза. Голубые, с зеленоватым оттенком, они выделялись удивительным контрастом на загорелом лице.

Она также наблюдала за мной, и изредка на меня устремлялся ее тяжелый взгляд из-под полуопущенных век. Ей можно было дать не больше 25—28 лет. Самый опасный для мужчины возраст, когда женщина, в полном расцвете красоты и сильная своим опытом, прекрасно отдает себе отчет в могуществе своих очарований и слабости нашей защиты.

Но время идет, и мы уже подъезжали к Лозанне. Незнакомка начинает беспокоиться и часто посматривает на свои ручные часы. Я могу показаться смешным тем, что повсюду вижу шпионов, но на этот раз, мне кажется, я не ошибаюсь.

— Простите, — неожиданно говорит она мне, — я хотела бы знать, правильно ли идут мои часы?

— Сейчас двадцать минут четвертого, мадам... может быть, я ошибаюсь, и надо сказать, мадемуазель?

Она улыбнулась:

— Да, это будет вполне правильно. Разрешите представиться: баронесса Марта Маковская.

— Полька, если не ошибаюсь?

Она утвердительно кивает головой и говорит:

— Извините меня, но я плохо расслышала ваше имя... Луи Тибо... с подобным именем вы можете быть или французом или романским швейцарцем.

— Я француз, мадемуазель.

— Я очень рада этому... почему?... даже не могу вам указать... Но вы разве не состоите на военной службе?

— Я уже побывал на фронте, но временно освобожден... И не был ранен, а получил всего-навсего нервное потрясение.

— Я спросила вас о времени, так как в Лозанне у меня

пересадка. Еду я в Монтре. Вы не знаете, когда туда ходит поезд?

Заглядываю в справочник.

— В Лозанну мы прибудем в 3 ч. 45 м. В вашем расписании 42 минуты свободного времени.

— Какое счастье! — опрометчиво вскричала она. — Сможем выпить стакан чаю в буфете, но, может быть, в

— О, я остаюсь в Лозанне, отсюда начинается мое тур

— Вы артист, певец? — спросила она.

— Нет, я коммивояжер, представитель фирмы по продаже бургундских вин.

Замечаю, что она хочет знать величину моего заработка. Сообщаю, что он равен 500 франкам в месяц.

— Полагаю, такая сумма не позволяет вам жить особенно широко. А ваш заработок не увеличился бы в Франции? Ведь военные пьют очень много. И англичане так любят хорошие вина. Вы не будете разъезжать по Франции?

— Как же, я побываю во всех местах расположения армий. Совсем недавно я был в тылу у американцев.

Она ничего не отвечает, но невольно подается вперед, и в этот момент ее можно сравнить с охотником, ожидающим появления дичи.

— Поедете ли вы туда еще когда-нибудь? — спрашивает она.

— Я намерен возвратиться через несколько недель, когда из Америки придут свежие силы. Для меня это будет как раз подходящим моментом.

— А что, если вы снова будете мобилизованы? Вам нравится подобная перспектива?

— Ни за что не возвращусь в армию. Подумать только, что мне придется опять рисковать своей жизнью.

Как ей приятно слышать подобные слова! Еще больше увеличиваю ее радость.

— Не знаете ли, в Монтре имеется казино?

— Конечно. Там есть курзал, где даются прекрасные концерты.

— Вот как, — говорю я, — а... есть ли там рулетка? Видите ли, я большой игрок.

Наконец, мы подъезжаем к просторному и чистому вокзалу Лозанны. Моя спутница быстро вскакивает на ноги. Должно быть, сила возвратилась к ней, так как она с удивительной легкостью снимает с полки чемодан (такой тяжелый несколько часов назад), чтобы передать его по

ильщику, который берет также и мой багаж. В буфете баронесса объявляет, что она голодна. Она заказывает кофе со сбитыми сливками, мед, варенье, потом исчезает на несколько минут, по ее словам, чтобы помыть руки. На ее открытом на ключ чемодане (почти таком же новом, как и мой) остались наклейки гостиниц в Цюрихе и Лугано, все остальные были тщательно оборваны.

Ошибиться невозможно, она уже выдала себя, когда я говорил об американцах. Но я еще не понимаю ее игры. Почему она не пошла на удочку и не расспросила меня подробнее об интересующих ее вопросах? Я, конечно, отбрасываю мысль о сентиментальной интриге. Что касается материальных выгод, на которые могла бы надеяться авантюристка, я устранил возможность подобной гипотезы припоминанием, что у меня нет ни больших доходов, ни капитала. Приход баронессы прервал течение моих мыслей.

— О чем это вы думаете? У вас такой рассеянный вид.
— Я думаю о том, когда буду иметь удовольствие снова увидеть вас.

— Как это любезно с вашей стороны. Я, право, не ожидала этого от вас.

Глаза ее принимают ласковое выражение, на губах появляется улыбка, но она чувствует, что слова, которые ей хотелось бы произнести, пока еще преждевременны. Быстрым жестом вынимая свою записную книжку, она просматривает ее.

— Я возвращусь в Лозанну 10-го, — говорит она мне, — прибуду девятичасовым поездом. Увижу ли я вас?

— 10-го. Прекрасно. Правда, я хотел поехать в Женеву, но я отложу поездку до следующего дня.

— Нет! — вскричала она. — Ничего не откладывайте. Я поеду в Женеву вместе с вами: вы просто сядете в мой поезд.

Требую счет. Грозя пальцем, она говорит мне:

— Предчувствую, конец месяца будет не из легких... Не трудитесь и не провожайте меня на перрон... Значит, 10-го в девять часов утра, не забудьте.

Высокая, стройная и уверенная в себе, она идет через зал. Официанты и немногочисленные посетители провожают ее взглядом. Если ей придется когда-нибудь идти на эшафот, то она взойдет на него так же твердо и уверенно. В ней чувствуется отвага.

Я несколько взволнован этой встречей. Что мне делать и чего держаться? Явиться на свидание или нет? Все эти вопросы требуется решить до назначенного дня.

Глава девятая

РАБОТА В ТЕНИ

После отъезда баронессы я отослал несколько открыток в Берн, Базель и Цюрих, чтобы предупредить агентов с моим скором приезде в эти города. После этого, несмотря на приказ об аресте, я отправился гулять по освещенным солнцем улицам Лозанны. Теперь мне кажется, что все это было ложной тревогой. Полиция, знающая только один мой псевдоним и имеющая, благодаря честности Гекера, фантастические приметы, могла долго меня искать. Я свободен, мог бы остаться на месте и не тревожиться напрасно. В шесть часов вечера я входил в кафе «Чистый воздух» близ Большого моста. Я встретил там моего друга Мишлера, очень обрадовавшегося встрече со мной, так как был из тех людей, которые не переносят одиночества.

— А вот и ты! — вскричал он. — Я предчувствовал, что увижу тебя сегодня. Дело устроено, ты знаешь. Тебе нечего бояться. Вы ведь получили мое донесение?

Я сажусь рядом с ним и подталкиваю его локтем.

— Тише, не кричи же так.

— Да, правда, но ты меня знаешь, я не умею во время сдержаться.

— Все вы, южане, одинаковы.

Он засмеялся и сказал мне более тихим голосом:

— Вчера вечером я видел Филиберта. Полиция окончательно заблудилась и даже не знает, существуешь ли ты в действительности.

— А в другой области есть что-нибудь новое?

— Ты знаешь, я отслеживаю чудовищное дело. Находящийся в Швейцарии один французский капитан, некий Бернар, находится в постоянной связи с немцами. Он отдает себе отчет, это громадный скандал. Его любимицу, мадам Штейнгероф, посещает также немецкий военный атташе. Дело ясно.

— Да, но есть ли у тебя достаточные основания по-

...ть, что это так, а не иначе? — сказал я. — Может быть, ...атель — немецкий атташе, а Бернар сделал своей лю...инницей именно мадам Штейгергоф исключительно для ...ного дела.

Возражение заставило Мюллера немного подумать, но ... тотчас же ответил:

— Если военный атташе допускает подобное положение ...а, то только потому, что ему это выгодно. Поверь мне, ...то это серьезное дело, оно стоило уже 500 франков. Пе...даю тебе его.

— Можешь прекратить свои расходы. Капитан опять ...дет недоволен, если мы станем заниматься контрразвед... К тому же это дело кажется мне неправдоподобным. ...прочем, для подобных вещей есть специальные люди. ...оди к Ц. и сообщи ему обо всем.

— Не пойду я к твоему Ц., потому что не доверяю ему. ...твоих делах он рассказывает всем людям, с которыми ...работает. Если он когда-нибудь попадется, — я этому не ...ду удивляться, в то время как с тобой я спокоен.

И он зажег папироску с видом полного самоудовлетво...ения.

— А теперь пойдем обедать, — добавил он, — я знаю ...конце улицы Рюшоне хороший ресторанчик. Есть там ...на кельнерша... вечером сам увидишь.

Ресторан был маленький, но чистый. У порога стояла ...сокая брюнетка в черном платье и белом кружевном пе...еднике. Действительно, она была недурна.

— Где твои столики, Мари? — говорит ей Мюллер. — Да... сюда меню.

Ц., заказав обед, продолжал:

— Посмотри-ка на Мари, не правда ли, красива?

Потом, привлекая ее поближе, говорит тихо:

— Ничего нового и интересного?

Мари отвечает таким же тихим голосом:

— Там в углу сидит высокий блондин. В течение трех ...ей он приходит в обед и вечером. Первый день он обе...а с ожидающей его здесь женщиной, которая пере...ала ему письма и фотографии. При мне они говорили по-...анцузски, но стоило мне отвернуться, — как я услышала ...мецкую речь.

— Уж не ради ли твоих прекрасных глаз он снова воз...ращается?

Хорошенькая брюнетка покраснела. Мюллер сказал бо...о громко:

— Ну, обожди, я расскажу обо всем твоему жениху. А Мари, для тебя я готов сделать любую глупость, сто тебе этого захотеть, — и обращаясь ко мне: — Но это разумная девушка, которая хочет возвратиться на родину выйти замуж и иметь детей.

Мари улыбнулась и опять наклонилась к нему, так как он понизил голос:

— Если этот человек начнет за тобой ухаживать, — и противясь, если он пригласит тебя куда-нибудь, — пойди с ним и постарайся узнать, кто он такой.

Когда Мари ушла, Мюллер говорит мне:

— Хорошая честная девушка, не глупа и не любит немцев.

Обед прошел в веселье и смехе, прерываемом изредка тихим голосом для обмена, так сказать, профессиональными мнениями.

— Ты знаешь, что Фриц следит за нами краешком глаза?

— Да нет, он ничего не подозревает, — ответил Мюллер, — просто он ревнует. Когда он узнал от меня, что Мари честная девушка, это его еще больше раззадорило. Ты разве не видишь, что он давно покончил с обедом, после кофе потребовал пива, а теперь ему подают полбутылки красного вина. Мне очень хотелось бы видеть, куда он направится по выходе отсюда.

— Не делай этого, он тебя хорошо заметил.

Чортов Мюллер! В тот момент, когда мы кончили обедать и собирались выйти из ресторана, в трех шагах от ужинающего влюбленного он одевает на правый глаз монокль, открывает передо мной дверь и говорит по-немецки гнусавя подобно германским офицерам:

— Прошу вас, проходите, герр лейтенант.

— Ты с ума сошел, — сказал я возмущенный, — тебе мало, что нас уже заметили, ты показываешь, что знаешь его язык.

— Мне это совершенно безразлично, — ответил Мюллер, — ты заметил, какую он скорчил рожу? А его круглые глаза? Ну, прощай, до завтра. Я жду тебя в двенадцать часов в кафе «Чистый воздух».

Он явился в назначенный час нарядный, свежевыбритый, напудренный, в шляпе набок, светлых перчатках и с палкой в руке, насвистывая веселый мотив.

— Я видел Филиберта, — сказал он, — все в порядке. Твоя квартира не была отмечена полицией, так что можешь взять свое белье, книги и остальное имущество.

После завтрака мы пошли на мою старую квартиру и рассказали хозяйке, что меня берут на военную службу. В один момент сундуки и чемоданы были уложены.

— До свидания, мадам Бешю, если я когда-нибудь возвращусь в Лозанну, то приду прямо к вам.

Рассказываю Мюллеру о своей встрече в поезде.

— Что ты думаешь об этом?

— Без сомнения, это шпионка. Многие из них едут поездах, возвращаясь из Франции.

— Таково и мое мнение. Я теперь думаю о том, надо ли с ней встречаться?

— Конечно! Смотри не упусти ее. Если тебе это дело кажется неинтересным, представь ей меня. Я все беру на себя, тем более, если она так красива, как ты мне ее нарисовал.

На следующий день я приезжаю в Базель. Шмидт ждет меня в сквере позади памятника Страсбургеру.

Как всегда, он сначала говорит, что нет ничего интересного, и добавляет мимоходом, что рота запасных, охраняющая эльзасскую границу, заменена «молодыми».

— Что это за новые части? Какого корпуса? «Молодые» — вот все, что вы знаете. Не теряйте времени и расследуйте это дело. Будьте здесь не позднее семи часов и привезите точные сведения. Мне нужно знать номер этих «молодых».

— Я еще хотел, — продолжал Шмидт, — представить вам одного товарища, готового работать для нас.

— Есть ли у него доступ в Германию? Есть ли у него паспорт? Был ли он солдатом? Надо будет узнать у него обо всем этом. Назначьте ему свидание в 7 часов 30 минут, но не здесь, а на площади Кордильеров, и следите за тем, чтобы он не увязался за вами, когда будете идти ко мне. Это все, что у вас есть?

И, как всегда, он самое важное сообщает в конце.

— Моя жена получила открытку от Губерта. Это значит, что он будет здесь через четыре или пять дней.

— Он написал это на открытке? — спросил я. — Я же говорил ему, чтобы он этого не делал.

— Нет, нет, между нами было условлено, что за пять дней до своего приезда он пошлет открытку с простым приветствием и следующими словами: «Поцелуйте за меня налютку Елену». Это имя моей дочери. Открытка послана из Фрейбурга в Баден.

— Надо будет, чтобы я его немедленно увидел. Я буду ждать в Берне 8-го, в десять часов, у Корнаускеллера.

— А я? — спросил Шмидт. Он большой любитель подобных маленьких путешествий. — Должен ли я приехать с ним?

— Приезжайте, если хотите. Но когда он будет садиться в поезд, идите позади и убедитесь, не следят ли за ним. Я, правда, этому особенно не верю, но мне говорили, что немцы выслеживают людей, которые побывали в Германии.

— Это вполне возможно, — говорит Шмидт. — А если за ним следят, мне нужно его предупредить?

— Ни в коем случае не подходите к нему. Садитесь в тот же поезд, а прибыв в Берн, предупредите меня, я буду в буфете третьего класса.

Позавтракав, я решил съездить в Сен-Луи, что позволило мне проверить работу Шмидта. У входа в маленький городок я заметил только двух старых таможенников и нескольких жандармов. Я продолжал идти на запад вдоль самой границы, и действительно в трех километрах отсюда я заметил силуэты молодых людей, выглядевших довольно воинственно. Но я не мог подойти к ним ближе, поэтому я повернул в ближайшую таверну, где намеревался перекусить по-швейцарски: молоко, кофе, хлеб, масло, мед. И здесь случай приходит мне на помощь: единственным посетителями были два поденщика, работавшие в окрестностях города. Перед ними на столе стоял графин дешевого белого вина. Как крестьяне всех стран и народностей, они громко говорили и смеялись. Их спины были согблены, а руки тяжело опирались на стол. Единственная служанка весело отвечала на их шутки. Но когда старший из них крепко хлопнул ее и хотел обнять, она закричала шутливым и оскорбленным тоном:

— Перестаньте! И вам не стыдно? Отец семейства, а что делает?

— Ясно, — сказал тогда другой, — с тех пор как напротив имеются молодые, на серьезных мужчин мы не обращаем никакого внимания. А скажи-ка, они приходят к тебе сюда?

— Ты была у них и разговаривала с ними... замолчи уж. Я видел вчера вечером, как ты целовала одного.

— Почему бы мне и не целовать их? Это не те старики, что были раньше, все они смелые ребята.

— Хорошо делают, что пользуются, пока это еще во

можно. Тот, кто целовал тебя вчера, через одну или две недели, возможно, никого больше не поцелует.

— Все может случиться, — отвечала девушка, внезапно сделавшись задумчивой, — они знают, что там, куда они идут, дело будет серьезное.

— А откуда они сами?

— Разве я знаю? Я не могу запомнить все их названия. Откуда-то с гор, там сзади, — и она неопределенным жестом указала на восток. — На тех горах водятся медведи. Там были русские, которых почти не было слышно. Теперь придется иметь дело с французами, но эти — другое дело.

— Тут-то им будет, — весело расхохотался один из батраков, — так как французские стрелки — достойные противники. Ты им этого не говорила?

— Они и сами знают, но один на это мне ответил: «Мы сами альпийские стрелки, и уж будь покойна, баварцы — народ нетрусливый».

Моя радость была беспредельна. Подобные минуты — заслуженное вознаграждение за напрасные ожидания и разочарования. Еда потеряла для меня всю свою прелесть. Я обязательно должен был повидать вблизи хотя бы одного из этих страшных горцев. Я иду на поиски, подвергаясь риску быть арестованным швейцарскими таможенниками. Вот дорога, прямо идущая к границе. Вдалеке виднеются проволочные ограждения, в скором времени через них будет пропущен электрический ток. На противоположной стороне замечаю двух солдат. Я сворачиваю в лес и под защитой деревьев подхожу к ним на расстояние 50 шагов. Я притаился за стволом бука и стал слушать. Абсолютная тишина. Вынимаю из кармана небольшой театральный бинокль, купленный в Базансоне. Правда, он увеличивает не много, но зато занимает мало места. Я вижу двух молодцов от 25 до 30 лет, высоких и крепких. Один имеет за плечами винтовку, должно быть, стоит на карауле. Другой носит обмотки (он, следовательно, принадлежит к роте лыжников) и имеет фуражку, похожую на кепи. На ней я замечаю отличительные знаки альпийского корпуса, лучшей, отборной части немецкой армии. Сомнений быть не может.

В семь часов встречаюсь с Шмидтом. Ботинки его покрыты пылью, и он выглядит уставшим. Не ожидая моих расспросов, он возбужденно говорит:

— Как хорошо, что вы пришли сегодня. Между Мюль-

гаузенем и Базелем стоят части альпийского корпуса, реброшенные с русского фронта. Они только позавчера переехали сюда.

— Вы сами убедились в этом?

— Я видел их собственными глазами. Это баварцы, узнал их говор. Дети угостили их папиросами, а моя же разговаривала с ними. Они сказали, что твердо намерены завоевать все французские позиции на Вогезах. Они знают, что это не будет легким делом, но все же покажут французским стрелкам свою меткость.

— Вы гарантируете достоверность этих сведений?

— Конечно. Я же говорю вам, что сам все видел и слышал. Никто еще ничего не знает, и мы первые сообщим об этом. Ведь это довольно важная вещь.

Глаза его блестели. Обычно бледные щеки покрылись краской волнения. Он душой и телом принадлежит нам, его чистосердечность очевидна. Я не говорю ему, что он лишь подтверждает уже известное мне. В подобных случаях надо волноваться вместе с агентом, выразить ему некоторую благодарность, не показывая в то же время слишком большого мнения о себе. Все это нужно проделать очень умело и деликатно. Но так как за всякий труд полагается вознаграждение, то я первый затрагиваю денежный вопрос, не дожидаясь напоминания Шмидта:

— Вот 300 франков и еще 50 в копилку детям. Сойдет?

— Сойдет. Спасибо за детей.

После этого мы направляемся к площади Кордильерон, где у остановки трамвая Шмидта дожидается новый агент, каменщик по профессии. Это — маленький человечек, 35 лет, с итальянским типом лица. Он — эльзасец, родился в Мюльгаузене. Его отец — итальянец. Он освобожден от военной службы после пятнадцати месяцев войны с правом жительства в Швейцарии. Проверяю его бумаги, подтверждающие его слова.

— Можете ли вы поехать в Эльзас?

— Да, у меня есть постоянный пропуск.

Он видит, что я смотрю на него несколько задумчиво, и угадывает мои мысли. Немцы обыкновенно не дают кому-нибудь подобные привилегии без того, чтобы не ждать кое-чего взамен. Возможно, что этот человек... Тогда он объясняет мне, что швейцарцы воспретили экспорт некоторых продуктов, но это делается контрабандой. Он занимается этим делом.

— Я беру вас на пробу. Шмидт наверное говорил вам

что мы не платим помесечно. Мы возмещаем расходы, если они оправданы, и платим за сведения сообразно их важности.

— Хорошо, сделайте пробу, — отвечает он.

— Мне надо знать, имеются ли немецкие войска в районе Мюльгаузена и Базеля, так же как на правом берегу между Фрейбургом и Леррахом, что это за части, активные или резервные. Постарайтесь добыть номера отдельных единиц, число людей, местонахождение штаба, имена генералов и полковников. Вы были солдатом, вы должны знать, что нас интересует. Добытые сведения сообщите Шмидту 7-го, времени у вас хватит. Теперь повторите задание.

Мы говорим все время на эльзасском наречии, но последнюю фразу я произнес по-немецки. По-военному, выслушавшись в струнку, человек точно и четко повторил полученное задание. Видно, что он не пускает пыль в глаза и действительно был солдатом.

— Вот вам сто франков на расходы. Вижу, что у вас хорошая память. Не делайте никаких записей. Номера запоминайте наизусть, если же их будет слишком много, то вписывайте их в счета или прихода-расходную книгу, не делая никаких особых знаков. Надо, чтобы в ваших деловых бумагах не было ничего подозрительного, иначе вы пропади. Шмидт знаком с делом, он вас проинструктирует.

Я пожимаю руку моего нового агента и провожаю его взглядом. Держит он себя просто и не привлекает особого внимания, если не считать итальянского типа лица.

— Увидим, что он скажет нам, — говорю я Шмидту, — мы сможем проверить его, так как уже все знаем. Для нас он будет называться не Жозефом Магжиотти, а Эмилем, сообщите ему это. Назначьте ему свидание на 7-е, передадите мне его рапорт 8-го в Берне. Но, главное, не подходите к Губерту. И хорошенько следите за этим баварским корпусом. При первом же движении предупредите меня.

Сейчас восемь. Бегу к одному товарищу, который в этот же вечер отправляется в Делл. Через два часа специальный комиссар Делла позвонит капитану и передаст ему текст моего рапорта. Капитан по телефону же сообщит об этом в генштаб, который сначала прове-

рит данные, и, может быть, через три-четыре дня в
он Монбелиара, Люра, Жерардмера придут части
борного войска или батальоны альпийских стрелков.
каким образом происходит чудо, не объяснимое для ши
кой публики, но которое мы прекрасно понимаем. Оба
герьа противников принимают одинаковые меры в одном
том же месте и почти в одно и то же время.

Глава десятая
СКРЫТЫЕ СТОРОНЫ ДЕЛА

На следующий день еду в Цюрих, где должен встретиться с Эдуардом, Жоржем и Шарлем. Первый держит связь между мной и сестрой Гекера. Он сообщает, что она хочет меня видеть. Я догадываюсь, о чем она будет говорить со мной. Она не решается встретиться со мной в городе, поэтому назначаю ей свидание в Веллисгофене.

Второй напоминает мне, что Генрих, видимо, через несколько дней возвратится из Германии.

Что касается Шарля, в двенадцать часов я встречаюсь с ним у входа в банк, где он работает. Издали замечаю его атлетическую фигуру и прихрамывающую походку. Он был ранен в ногу.

Идем вместе завтракать в обширную пивную, отпускающую ежедневно сотни килограммов кислой капусты и тысячи литров пива. Он, так же как и Мюллер, рассказывает мне о знаменитом французском капитане.

— Знаешь ли ты, кому он подведомствен?

— Военному министерству или министерству внутренних дел, точно не знаю. Вам должно быть известно, что он в связи с любовницей немецкого военного атташе.

Он провожает меня на вокзал, где я сажусь в поезд и еду в Веллисгофен. Здесь, сидя на скамейке, неподалеку от реки, меня уже ждет сестра Гекера. Она потеряла всю свою веселость и выглядит, как побитая собачонка. До этого ее довело осуждение германизированной среды, в которой она живет. Она смотрит на меня с таким видом, как будто действительно была в чем-то виновата. Говорю ей об услугах, оказанных Франции, но слова звучат фальшиво. Они не имеют никакого смысла для этой женщины, швейцарки по происхождению, (ее муж был немцем).

— Вам удалось увидеть вашего брата?

— Нет, он содержится в строгом заключении, но адвокат

говорит, что он не поддается и сообщает им только то, хочет. Вы же знаете, как он вас описал.

Тогда, набравшись храбрости, я спрашиваю:

— А Кэти?

Произнеся, наконец, это имя, я почувствовал, что с моих плеч свалилась тяжесть.

— Бедная Кэти. Я о ней не имею никаких известий. Может быть, они ее уже...

И, закрыв лицо руками, она разрыдалась.

— Что вы, — сказал я, чтобы утешить мать, — вы знаете, что женщин всегда щадят, а особенно молодых девушек. Она останется в тюрьме до конца войны, когда мы победим, то потребуем ее освобождения.

— Они ведь расстреляли мисс Кавелл.

— Это совсем другое дело. Ее расстреляли из ненависти к англичанам; но Кэти сделают снисхождение, ее же объяснит им.

— О, несчастный, это наверное он ее предал. Кэти никому другому не открылась бы. Она хорошо понимала, какой опасности подвергается.

Я дал ей излить свою боль и, взяв ее правую руку, машинально стал гладить. Это ее немного успокоило, и я смел затронуть материальную сторону вопроса.

— Мое начальство, — сказал я, — поручило мне засвидетельствовать вам свое почтение и передать вам этот конверт. Этим вы сможете улучшить питание вашего брата.

Она поблагодарила меня.

На следующий день я приехал в Люцерн, который был центром интернирования немецких военнопленных, больных или калек, прибывших из Франции в обмен на французских пленных, находящихся, главным образом, в Валлисе. Немцы окружили нас целой сетью шпионов, и я получил задание сделать то же самое. Но мне приходилось работать в значительно худших условиях.

Немецкие агенты легко находили себе помощников среди медицинского персонала (в низшей его части), среди грузчиков и прислуги. Они платили им небольшое ежемесячное жалование и давали премии за сведения. Я же не мог обещать определенного вознаграждения. К тому же сведения, получаемые от подобных людей, были большей частью результатом пересудов, передаваемых от одного к другому, изменяемых и дополняемых каждый раз все больше и больше и доходящих, наконец, по назначению в совершенно искаженном виде. Но все же ничем не следует пренебре-

...так как самая незначительная вещь может навести на... В куче мусора иногда попадаются жемчужные зерна. Конечно, достаточно было бы послушать разговоры солдат, главной темой которых являются письма, получаемые из дома, но для этого требовалось слишком много дней.

И вызвал сюда двух братьев Пьера и Поля, которым объявил, что пришла пора взяться за работу.

Вечером я приезжаю в Берн. После всех пережитых ощущений чувствую потребность в отдыхе и иду ужинать в лучший ресторан города. Цветы, хрусталь на столиках, лампы, излучающие мягкий свет, тихая музыка, несущаяся из другого зала, два блюда, приготовленных по-французски, вино. Все это, возможно, и безумие для французского лейтенанта, живущего на свое скромное жалованье, но как хорошо успокаиваются нервы в подобной обстановке!

Перед тем как заснуть, я продумал до конца идею, которая давно зрела у меня в голове. Дело шло о самом лучшем, самом быстром и безопасном способе связи со своими агентами. Мне казалось, что я, наконец, разрешил эту проблему.

На утро я иду завтракать и читаю газеты в буфете, куда должен прийти Шмидт. Он приходит точно в назначенное время и садится за мой столик.

— Ну, что Губерт? — спрашиваю я.

— Он приехал, и я думаю, что за ним никто не следит. Во всяком случае, я ничего не заметил. Меня он даже не видел.

— А Эмиль?

— Думаю, что он нам подойдет, — ответил мне Шмидт, — он подтвердил все то, что мы уже знаем. Альпийский корпус стоит все на том же месте. Кроме того, Эмиль узнал, что между Мюльгаузенем и Кольмаром расположилась 2-я гвардейская дивизия, между Фрейбургом и швейцарской границей — резервные части саксонцев. Штаб корпуса находится в Мюльгаузене, начальник — генерал фон М.

— Для начала это неплохо. Пусть достанет теперь сведения о гвардейской дивизии. Объясните ему, что меня интересует решительно все. Пусть постарается добраться до Мюльгаузена. И вы со своей стороны также постарайтесь что-нибудь сделать, это очень важно. Как только у вас будут новости, сообщите мне немедленно.

— Куда направлять письма?

— Теперь мы будем применять новую систему связи, сообщу вам ее за завтраком.

Губерт ждал меня в пивной неподалеку от вокзала. Высокий и толстый, он сидел в спокойном уголке обширного помещения и пил пиво. Больше всего нравились мне в нем его спокойствие и выдержка.

— Удачная поездка? — спросил я.

— Ничего себе. Еда там становится все хуже и хуже даже в самых лучших отелях не все можно достать.

— Старались ли вы чаще бывать у своих клиентов, как это я вам советовал?

— Да, — ответил он, — должен сказать, что в разных местах живут по-разному. Например, один клиент в Пфорте гейме ни в чем не ощущает недостатка. Но он сам ездит по фермам и за хорошую цену достает сколько угодно масла, яиц, сала. В больших городах дело обстоит иначе, жиров почти нельзя найти, так же как нет мяса, хлеб очень плохой.

Он долго останавливается на вопросах снабжения, но все это мне уже известно. Блокада Германии дает себя чувствовать. Но я знаю, что Губерт не перейдет к другой теме, пока не исчерпает того, что его больше всего занимает.

Потом он переходит к настроению внутри страны. В тылу настроение плохое. Его знакомые некоторые крупные и мелкие коммерсанты, раньше горой стоявшие за войну, теперь говорят только о мире. Что касается рабочих юго-западной части страны, то они стоят на пораженческих позициях. Письма с фронта большей частью унылые. Все это мне уже известно, об этом достаточно говорят пленные и письма, найденные у них. Но все же я не перебиваю Губерта. Когда агент отправляется в поездку, я даю ему указания на то, что нас интересует и что нет, но, когда он возвращается обратно с головой, полной сведений, я никогда не показываю вида, что некоторые рассказываемые им вещи не очень-то меня интересуют.

— А что нового по военной части?

— По этому вопросу я не смогу вам сказать многого. Вы знаете — это очень трудное дело, — говорит Губерт.

— Ну, а все-таки! Вам ведь встречались поезда, перевозящие войска?

— Да, от Карлсруэ до Штутгарта я насчитал десять поездов, идущих на небольшом расстоянии друг от друга.

— Вот видите, — сказал я удовлетворенно, — уже кое-что есть. Куда вы направлялись?

— Я ехал из Штутгарта в Карлсруэ.

— Не помните ли, когда это было?

Он посмотрел в записную книжку и сказал:

— Это было 27-го.

— Вы записываете подобные вещи? Это же глупо. Ведь я вам говорил это.

— Я поступил так, как вы мне посоветовали, — ответил он, протягивая мне блокнот. — Здесь нет ничего компрометирующего, посмотрите сами: «Штутгарт, посетил Мюллера, Шмидт и К^о, Бауэра (приглашение на завтрак). Заключенные сделки. Мюллер — 0, не покупает, возможно, банкрот, должен еще 310 марок; Шмидт и К^о: возвратил 76,5 марок; заказ на 580 марок, из них уплачено 200; Бауэр: заказ на 1350 марок. Днем поездка из Штутгарта в Карлсруэ. Расходы: гостиница «Метрополь» — Штутгарт: 10.50, на чай 1 марка; завтрак 2.50, билет 7.80, на чай 0.60, почтовые открытки 0.25, марки 0.40, пиво 6.95, на чай ноильщику в Карлсруэ 0.50, пивная 1.85». Здесь нет абсолютно ничего подозрительного.

— А приводимые здесь цифры точные?

— Да, — ответил он, — точно то, что можно проверить, даже 1 марка, данная на чай швейцару «Метрополя». Но остальное, т. е. марки, почтовые открытки, пиво — все это поезда и войсковые части.

— Действительно, сделано чисто. А что за части?

— 58-й полк полевой артиллерии, 77-мм пушки.

— Пушки не были новыми?

— Нет, они уже служили. Лошади были очень худые, люди — в возрасте от 20 до 30 лет. Да, вспомнил: в самом Карлсруэ я видел поезд с людьми и уже устаревшими пушками. Люди были в походной форме; лошадей не было. Калибра не знаю, но все же это была тяжелая артиллерия. Номер полка? — Посмотрев в записную книжку, он ответил: — 526. Они поехали в направлении Штутгарта.

— Это интересно. А еще что?

— Больше ничего.

— Много ли было в Штутгарте отпускников?

— Нет, у Бауэра, где я обедал, жаловались на этот счет. Они ждали своего сына, но он написал им, что отпуска перестали выдавать.

— В каком корпусе он служит?

— В XIII резервном. Где? Подождите, дайте мне вспомнить. Мне кажется, в Шампани, правда, он этого не писал... А, вспомнил: в письме от 23-го вот что он писал:

«Мы на отдыхе, изредка неприятельские самолеты будят нас ночью и всякий раз бывают убиты. Понемногу полк

тает. Жизнь в этой дыре, покинутой жителями, была нестерпимой, если бы с успехом не охотились за лучшим вином Франции. Оно имеется почти в каждом доме и иногда хорошо припрятано, но мы его чуем издали. Когда это вино искрится в наших стаканах, мы забываем все тревоги и огорчения. Истинно говорю вам, мы за эти последние семь дней выпили столько шампанского, сколько не выпили за всю свою жизнь все наши почтенные отцы, вместе взятые. Это продолжится еще некоторое время».

— На конверте был штемпель?

— Да, там стояло: полевая почта XIII армии.

— Я доволен вами, Губерт, у вас хорошая память. Следовательно, мы знаем, что XIII резервный корпус находился 23-го в тылу на отдыхе в Шампани, и по всей вероятности он еще там. Теперь, что вы знаете о других сыновьях нашего клиента? Да, а есть ли у него зятья?

Я продолжаю терпеливо расспрашивать Губерта о мобилизованных мужчинах, родственниках клиентов, которых он посетил, и мне удастся узнать больше, чем он думает. Сын одного баварца прислал открытку из Бреславля со следующими словами: «Уезжаем на продолжительное время. Целую. Карл». Карл — пулеметчик в баварском альпийском корпусе. Как легко встретиться со знакомыми!

Постепенно накапливаются всевозможные детали, и мне приходится записать, несмотря на то, что моя память стала превосходной. Все дело в тренировке. Я могу запомнить большое количество вещей в течение двух-трех дней, но как только я написал свой рапорт — мне кажется, что голова моя опустела.

Мы уже сидим здесь в течение двух часов. Губерт выпил бесконечное количество пива. Куда это оно у него помещается? Но это очень хорошо, так как если бы мы сидели в углу без пива, то живо сделались бы подозрительными. Но все же пора уходить. Я хочу встать из-за стола, но у Губерта есть еще что-то.

— 2-го я был во Фрейбурге, в Бадене. Мой клиент Альтмейер познакомил меня с одним офицером запаса, который хотел знать, могу ли я поставлять ему автомобильные шины. Платит он хорошо, и тут можно многое заработать, но я не хотел снабжать немцев без вашего ведома.

— Согласен, — сказал я ему, — я даже пришлю вам в Швейцарию шины из Франции... Я не шучу, это серьезно. Мы охотно будем снабжать их шинами, если всякий раз в обмен получим сведения, для чего нам приходится брать

людиных. Надо, чтобы вы сами повезли шины во Фрейбург, или же ваш офицер рассчитывает приехать за ними в Швейцарию или послать кого-нибудь, — сделка не состоится. Напишите ему сегодня же, что вы нашли способ экспортировать шины из Швейцарии. Если он примет это предложение, — вы тотчас же выедете.

Он не скрывает своей радости:

— Прекрасно! Наконец-то, я смогу немного заработать.

Распрощавшись с Губертом, я иду к Шмидту. Шмидт в ожидании меня выпил уже достаточное количество белого вина. Если он будет продолжать в том же духе, то скоро опьянеет. Я делаю ему резкое замечание:

— Будьте осторожны, вы же знаете, что делаетесь болтливый, когда выпьете лишнее. Помните, что мы находимся на службе.

Отмечаю результаты этих слов, подтягивающих наших людей и возвращающих им волевые, физические и умственные способности, каким-либо образом временно утерянные. Скромно завтракаем соответственно месту, где мы находимся. Стараюсь казаться тем, кем я есть, т. е. коммивояжером в деловой поездке. Чтобы не привлекать внимания, говорю на наречии Верхнего Рейна, достаточно схожим с базельским, чтобы сойти незамеченным. В более шикарном ресторане я держу себя иначе, в немецкой Швейцарии буду говорить по-немецки, в романской — по-французски, и все это для того, чтобы не привлекать внимания. На мой взгляд, шпион должен первым долгом заботиться о том, чтобы нигде не выделяться, в каких бы кругах он ни находился. В кругу простых людей никто не должен сказать о нем: «Какой интеллигентный человек», а в хорошем обществе — «Как он вульгарен». В Женеве, Лозанне, Берне я сотни раз проходил мимо одних и тех же полицейских: они никогда не обращали на меня внимания, и сомневаюсь, чтобы кто-нибудь из них подумал: «Эта личность что-то много ездит».

После этого отклонения возвращаюсь к Шмидту, с которым я завтракал в это утро, и к плану, придуманному мной для улучшения связи со всеми агентами. Моя система маленьких изолированных групп заставляла меня держать связь почти со всеми своими людьми. Я предпочитал получать сведения из первых рук, так как по опыту знал, до какой степени они искажаются при посредстве третьего лица. К тому же каждый человек может поддаться

соблазну вина или женщин. Отсюда принцип: мои агенты не должны были знать ни моего имени, ни адреса.

— Как правило, — сказал я Шмидту, — расставаясь с вами, я буду назначать вам определенное место и время, где мы встретимся в следующий раз. Таким образом, следующее наше свидание будет в Базеле в 10 часов 30 минут утра у центральной почты. Приходите точно в назначенное время, чтобы мне не приходилось ждать вас, мою же аккуратность вы знаете. Что касается дня встречи, я его еще сам не знаю, вы узнаете о нем, получив от меня открытку со следующими простыми словами: «Привет всем. Луиза». (Предупредите вашу жену.) Это все, что я напишу, но обратите внимание на дату. Если я напишу: «Цюрих, 24 сентября», это не будет означать, что я пишу 24-го, а что я жду вас 24-го в условленном нами месте. Понятно?

— Да. А если мне срочно понадобится вас увидеть? — спросил Шмидт.

— Вот тут-то все дело. Я не могу дать вам определенного адреса, так как беспрерывно разъезжаю. Как предупредить меня? Имеется ли у вас какая-нибудь старая мебель в продаже?

Он удивленно смотрит на меня.

— У меня есть старая печь, которая мне совсем не нужна.

— Прекрасно. Вы пойдете в редакцию «Националь Цейтунг» и дадите следующее объявление: «Продается подержанная кухонная печь в хорошем состоянии», указав адрес и фамилию. На следующий день я читаю объявление, приезжаю к вам немедленно, а если не смогу этого сделать, то посылаю открытку с указанием ближайшего дня, которым смогу располагать.

Засмеявшись, он говорит:

— Сколько вам придется теперь читать газет!

— Зато нет ничего более верного и быстрого, чем это.

— Значит, договорились. Как только зашевелится альпийский корпус, — вы продаете свою печь.

Эта система прекрасно функционировала до конца войны. Каждое утро я прочитывал базельскую «Националь Цейтунг», «Цюрихские новости», бернский «Бунд» и местные газеты Люцерна, Аарау, Биля и Солотурна. Просмотреть такое количество газет было делом немаленьким. Но где бы я ни был, даже во Франции, три центральные газеты доставлялись мне так же быстро, как и письма. Я был

абсолютно свободен, и ничто меня не стесняло. Мои агенты даже не знали, в каком городе я нахожусь в данный момент, а так как им известен был лишь один из моих псевдонимов, то я ничем не рисковал, не считая ловушки, в которую я мог бы попасть, если бы какой-нибудь агент выдал меня полиции.

Глава одиннадцатая
ШПИОНКА СБРАСЫВАЕТ МАСКУ

9-го поздно вечером я ужинал с Мюллером в Лозанне. Говорили о капитане Бернаре, и Мюллер сообщил мне еще несколько слухов, распространяемых на этот счет. Он не забыл также и о баронессе Маковской.

Ночь я провел в отеле, а утром мы поехали на вокзал ожидать поезда из Монтре. Из окна вагона второго класса высовывается голова, светлые волосы развеваются по ветру, а рука делает мне знаки. Я вхожу в вагон в то время, как Мюллер, стоя на перроне, напрасно старается привлечь внимание красивой путешественницы. Она, могу сказать, и это без хвастовства, занята только мной. Ее лицо озаряется ласковой улыбкой, от ее суровости и жестокости не осталось и следа.

По приезде в Женеву мы совершили прогулку по берегу озера, после чего пошли завтракать и потом опять гулять, на этот раз по городу. Я навожу разговор на тему о религии, чтобы проверить, действительно ли моя спутница католичка, как это она косвенно утверждает, говоря, что она полька. Чувствуя ловушку, которую я ей ставлю, она, чтобы отвлечь мое внимание, виснет на моей руке и делается нежной.

— Поедемте кататься на лодке.

Я не противоречу, и мы делаем один или два круга по озеру, после чего идем обедать.

— Что мы теперь будем делать? — спросил я после обеда.

— Поедемте в курзал, — отвечает она. Я чувствую, что в продолжение целого дня она думала об этом.

В скором времени мы очутились в игорном зале; она ставит сначала десять, потом двадцать франков и выигрывает только один раз.

— А вы почему не играете? — спрашивает она. — Вы, может быть, будете счастливее меня.

Я колеблюсь, так как боюсь показаться новичком в этом деле, но благодаря наставлениям Мюллера с честью выйду из затруднения, проиграв в короткое время двести франков.

— Я поставлю еще сто франков, — говорю я прекрасной соблазнительнице, — больше у меня ничего не остается. Должен вам признаться, что сильно проигрался вчера в Ломанне.

— У вас действительно больше ничего нет?

— К сожалению, это так.

— Любуюсь вашим спокойствием, — говорит она. Я вижу, что она прямо счастлива. — Кончим на этом, идем отсюда и поберегите ваши сто франков. Вполне естественно, вы сейчас не будете счастливы в игре. Почему? Потому что вы, вероятно, счастливы в любви, — говорит она, жеманно кокетничая. — Ну, а теперь, раз вы небогаты, пойдемте в кино.

Пробыв в фойе несколько минут, она вдруг встает и говорит:

— Идемте отсюда, здесь слишком жарко.

Она берет меня под руку и ведет к пивной, из открытых окон которой несутся звуки музыки. Здесь, проходя мимо столиков, за одним из которых сидят три немца с бритыми головами, я замечаю, как она многозначительно поглядела на них, как бы говоря: «Вот он! Как вы его находите?»

Пивную мы покинули чуть ли не последними.

— Сейчас уже поздно, чтобы возвратиться в Монтре. Что мы будем делать?

— Давайте останемся в Женеве, — наивно сказал я.

Я снял две смежных комнаты в отеле, находящемся между улицами Альп и Монблан, приказал принести шампанского, и мы пили его в ее комнате.

— Пейте, — говорила она с искрой иронии в глазах, — вам надо немного рассеяться.

— Дело в том, что за последние два дня я много играл и проиграл все заработанное мной у американцев.

Она придвигается ближе и говорит:

— Не беспокойтесь, я найду вам более доходное занятие, чем ваше место торгового представителя «Рюмоне и Ко».

Притворяюсь, что не верю этому.

— Я вам говорю правду. Это даже очень легко сделать. Нужно только, чтобы вы мне безгранично доверяли.

Но прежде чем попасть в ловушку, она еще колеблется. Для нее наступает опасная минута, которую я так хорошо знаю, тот момент, когда нужно сбросить маску и довериться другому человеку. Я угадываю все те мысли, которые проносятся в мозгу у этой красивой женщины. Я даже разделяю ее растерянность, спрашивая себя, как бы я поступил на ее месте.

— Я расскажу вам обо всем завтра. Сегодня же дайте не заниматься делами, иначе мы рискуем испортить весь день.

Она делается задумчивой и продолжает искренним тоном:

— Может быть, завтра вы будете не доверять мне, но клянусь вам, сегодня я искренна. Вы мне верите, не правда ли?

Я оборачиваюсь, смотрю в самую глубину ее зеленоватых глаз и ограничиваюсь только тем, что говорю:

— Время позднее, мне кажется, пора спать.

Она меня не задерживает.

На утро я решил ускорить события. В восемь часов я стучу в дверь, разделяющую наши комнаты.

— Хотите, чтобы я заказал завтрак?

— Да, прикажите подать его в мою комнату и приходите сами, — весело ответила она.

— Я раздумывал над вашим вчерашним предложением, — сказал я четверть часа спустя, опуская глаза и намазывая масло на хлеб. — Принимаю его, так как у меня нет выбора. Требуется ли какие-нибудь специальные знания?

— Нет, вы достаточно культурны, чтобы выполнить работу. Сегодня же я познакомлю вас с господином, который все вам объяснит. Его слова, может быть, удивят вас, но вы слушайте его до конца.

— Да уж придется, иначе я и не знаю, что тогда будет. Если бы дело шло только обо мне, то я как-нибудь устроился бы, но так как я надеюсь часто видаться с вами, то не хочу предоставлять вам недостойные вас развлечения.

— Как вы милы, — ответила она, кладя свою голову мне на плечо.

— Я оставляю вас, — сказала она мне несколько позже в вестибюле гостиницы, — чтобы пойти похлопотать о свидании между вами и тем господином, о котором я вам говорила. Ждите меня здесь.

Не успел я углубиться в чтение ежедневных газетных объявлений, как пришел швейцар и объявил мне, что маде-

муазель Маковская просила притти к ней в Брюгскую гостиницу. Я застал ее озабоченной и невеселой.

— Вот и вы, — вяло сказала она, — ну, пойдете.

Мы поднялись на третий этаж. Моя спутница, не постучавшись, открыла дверь одной комнаты, и там я увидел одного из вчерашних немцев, удобно сидящего в кресле. Он был толст, высок и цветущ. Посмотрев на меня с минуту, он заговорил со мной на немного шероховатом, но правильном французском языке и рассказал, что один парижский банкир должен был ему значительную сумму по довоенным операциям, но, пользуясь обстоятельствами, он не выполняет своих обязательств. Готов ли я отправиться в Париж, чтобы напомнить ему о них?

— Вы ничем не рискуете, так как я дам вам маленькую записочку с несколькими ничего не значащими цифрами, которую вы передадите по адресу. Вам же передадут для меня безобидное письмо, в котором будет лишь подтверждение получения моей записки. Самое позднее через две недели я узнаю, урегулировано ли это дело, о чем мне сообщит женевский банк, и тогда вы получите комиссионные в размере шести тысяч франков, не считая тех двух тысяч, которые я дам вам сейчас. — С этими словами он бросил мне на стол пачку банковых билетов.

— Напишите расписку, — прибавил он.

Я исполнил его желание. Он сравнил эту подпись с моей подписью на паспорте и занес номер последнего на квитанцию, после чего отсчитал мне деньги.

— Теперь я дам вам адрес банкира с предназначающейся для него запиской, напечатанной на машинке. Как видите, бумага очень тонкая. Сомните ее в комок и в таком виде носите при себе, чтобы в случае опасности незаметно уронить на землю. Но сначала выучите ее наизусть.

Потом, играя моей распиской, которую он держал в руке, и пристально глядя на меня своими заплывшими светло-голубыми глазами, он сказал, отчеканивая каждое слово:

— Я уверен, что вы честно исполните поручение, которое я вам даю в виде испытания. Если вы оправдаете мое доверие, мы будем работать вместе до конца войны. Когда она кончится, вы будете богатым человеком. Но если вы поступите нечестно, то помните, что я всегда могу вас погубить. Выезжайте не позднее этой недели. Как только вернетесь, предупредите баронессу, она сделает все, что нужно. Не правда ли, мадемуазель Маковская?

— Да, герр ротм... — легкомысленно ответила она, но

дюжий молодчик грубо оборвал ее, шумно встав с места. Под его возмущенным взглядом она задрожала, несмотря на свою самоуверенность красивой женщины. Он проводил нас до двери, не проронив больше ни слова. Когда мы очутились на улице, она посмотрела на меня и принужденно улыбнулась:

— Видите, — сказала она, — вам пришлось бы много потрудиться и продать порядочное количество вина, чтобы заработать в две недели восемь тысяч франков.

Я ничего на это не ответил, и мы заговорили о другом. После завтрака мы возвратились в Лозанну, и перед тем как расстаться она спросила, когда я думаю выехать.

— Завтра вечером; возвращусь как можно скорее. Каким образом я смогу вас предупредить?

— Напишите мне в Мontre, у вас же есть мой адрес. Задержав мою руку в своих, она сказала:

— Я чувствую, вы мне больше не верите. Но клянусь вам, я не разыгрываю комедии.

— Предположим, — сказал я, смеясь, — вы играли роль, которую вам навязали.

Она также засмеялась, показывая ряд белоснежных зубов. На этом кончился наш разговор.

Тотчас после ее отъезда я наскоро принялся за составление письменного рапорта, после чего пошел разыскивать Мюллера, что заняло немало времени. Он вопрошающе посмотрел на меня.

— Неудача, правда? Я же был уверен в этом. У тебя невеселый вид. Когда ты представишь меня баронессе?

— В настоящее время она далеко отсюда, ^я ответил я, — но сейчас дело не в этом. Надо, чтобы завтра же ты отправился в Париж. Пойдешь к капитану Дюма и передашь ему то, что я тебе скажу. К тому же в этом рапорте уже все изложено. Его дело решить, как поступить в дальнейшем. Так как мои занятия не позволят мне довести до конца эту интригу, надо будет найти какой-нибудь способ, чтобы ты меня заменил. Вот тебе мой паспорт, не забудь завизировать его.

Я передал ему также напечатанную на машинке записку, повторив слово в слово инструкции немца.

Решение капитана Дюма подтвердило мои предсказания. Через четыре дня Мюллер привез следующий ответ: капитан Дюма пропускает письмо банкира, который уже был подозрителен и которого теперь не будут упускать из вида. Что касается меня, то мне предписывается продолжать на-

итую игру, принимать поручения от баронессы и ее начальника, так же как и деньги, которые мне будут уплачены. Их я могу оставлять себе.

Я заставил Мюллера подробно описать мне банкира, его контору, дом, улицу и весь квартал, где она помещается, — все это для того, чтобы суметь ответить на вопросы начальника, который не преминет мне их задать. В тот же вечер я написал в Монтре и встретился с Мартой в Лоджии. На следующий день вечером немец принял меня в «Дворцовой гостинице». Он взял письмо банкира, на первый взгляд совершенно безобидное, переданное Мюллеру в незапечатанном конверте, внимательно прочитал его, осмотрел бумагу и водяные знаки на ней, после чего сказал:

— Поздравляю вас. Если вы в дальнейшем будете работать так же хорошо, то сделаетесь одним из лучших моих агентов.

Как видно, он больше не скрывался.

— На границе с вами ничего не приключилось? Я бы хотел видеть ваш паспорт. — Мюллер привез его мне со всеми нужными печатями и визами, удостоверяющими въезд и выезд из Франции. Посмотрев паспорт, начальник повернулся к баронессе и сказал ей по-немецки:

— Мои три миллиона спасены! Я так доволен вашим человеком, что не буду ждать две недели, чтобы заплатить ему условленную премию.

И 60 билетов по 100 швейцарских франков перешли в мой бумажник, в чем я и написал расписку.

— Вы довольны?

— Да, — ответил я, — вижу, что вы держите свое слово. Можете рассчитывать на меня.

— Я до такой степени рассчитываю на вас, что немедленно дам вам новое поручение. На этот раз оно уже будет сложнее. Первое: мне сообщили, что в районе Везуля, в противовес нашему альпийскому корпусу, который находился раньше на Карпатах и был переброшен в Верхний Эльзас, концентрируются силы. Мне надо знать, какие части посылаются сюда, так же как и их назначение. Второе: в тылу американцы устраивают учебные лагеря. Хочу знать, где это делается и на сколько человек каждый. Узнайте, сколько уже имеется американцев во Франции и в каком количестве они прибывают. Если потребуется, доезжайте даже до Бреста и Сен-Назера. Все эти сведения будут вам оплачены соответственно их значению. Запом-

ните, что подлинные документы оплачиваются нами особенно хорошо. Я заплатил 200 тысяч франков за официальный отчет о состоянии артиллерии на всем французском фронте. Постарайтесь установить связь, но будьте очень осторожны. Сделайте все возможное, чтобы это предприятие удалось вам. Я буду в отчаянии, если потерю вас так скоро.

После этих довольно кратких инструкций незнакомец отпустил нас, и на этот раз полный снисхождения он соизволил пожать мне руку и галантно поцеловал руку у Марты Маковской.

Моя очаровательная соучастница была очень сдержанна. Она приняла вид оскорбленной богини, как бы вспоминая, что первая сделала шаги к нашему сближению, на которые я не ответил с достаточной готовностью. Я считал нужным пойти вместе с ней в женевский курзал, хотя бы лишь для того, чтобы остаться верным своей роли. Чувствуя тяжесть своего бумажника, я не стал скупиться на ставки, и счастье настолько благоприятствовало мне, что я вышел из игры с выигрышем в 400 франков.

— Вы как-то сказали, мадемуазель, — кто счастлив в любви — несчастлив в игре. Увы, я сказал бы теперь, кто несчастлив в любви — счастлив в игре.

— К чему вы это говорите? — промолвила она.

— Неужели вы настолько наивны, что ничего не видите и не понимаете?

— У каждого своя натура, — ответила она с иронией в голосе. — Некоторых ожидание разжигает, других же — наоборот. Дело теперь за тем, чтобы вы опытом определили свой темперамент.

— Скажите лучше, что вы меня презираете. Мое предательство родине приносит вам пользу, но вы все же не можете смотреть на это иначе, как на гнусность... Ах, вы знаете, я сам себе становлюсь противен.

Эффект этих слов действует немедленно. Она приближается ко мне и говорит:

— Да нет же, нет, успокойтесь. Может быть, я сама также предаю свою родину. Ради денег?.. Ради нужды и страха.

— Да ты же поляка!

— Поляком был мой отец, — сказала она, вздыхая, — но он рано умер, моя мать немка и воспитала меня в духе своей религии. Как часто возмущает меня грубость, гордость и самодовольство этих людей. Но что было делать,

если моя семья разорилась?.. По крайней мере, здесь я еще вращаюсь в своем кругу. Да, ты и я, мы оба жалкие предатели.

И эта странная женщина лихорадочно обнимает меня и целует в губы. Потом, как бы отбрасывая всю тяжесть страха и угрызений совести, она восклицает:

— Сегодня я хочу веселиться и жить полной жизнью. Пойдем ужинать в самый шикарный ресторан, который только имеется в Женеве, потом будем танцевать и пить шампанское. Хочу опьянеть и буду пить, много пить..., а потом ты можешь делать, что хочешь.

Баронесса выполнила всю намеченную ею программу. Не могу себе представить, каким чудом она попала в свою комнату. Несколько стаканов водки и шампанского окончательно довели ее до такой степени, что я принужден был раздеть и уложить ее в постель. Она тотчас же заснула тяжелым сном, с тем чтобы проснуться на следующее утро от ярких лучей ослепительного солнца. Думаю, что для нормального мужчины это было бы большим разочарованием. Но шпион — нормальный ли это человек? Как бы то ни было, а факт тот, что мой взгляд привлекала не эта красивая женщина, спящая в кровати, а ее сумка, которую я заметил лежащей в углу комнаты. Она была открыта, а в ней лежали ее паспорт, бумаги и ключи от чемодана. При виде этого, как по волшебству, у меня пропали мысли, появившиеся было в ожидании этого часа. Я все перерыл, все прочел, многое переписал, бросая изредка быстрые взгляды на спящую Марту. Я не пропустил ни одной бумаги и просмотрел все, вплоть до ее записной книжки.

Все, что она до этого сообщила мне, все, что касалось ее и ее начальника ротмистра фон Шнейда, подтвердилось.

— О, этот Шнейд, — говорила она мне, — как я его ненавижу. Будь с ним осторожен, слышишь? Когда один из его агентов, мужчина или женщина безразлично, больше не нужен или мешает ему, он посылает его во Францию и сам же выдает, чтобы того расстреляли.

Те сведения, что я получил, позволили нам впоследствии выявить целую сеть шпионажа, центром которого было немецкое консульство в Женеве.

На следующий день я отправился в Ц., куда приехал за мной Бертон.

— Я доволен вами, — сказал мне капитан, — вы обьявили мне о приезде баварского альпийского корпуса на

следующий же день после его прибытия, и ваше предположение оправдывается: его поставили сюда для отвлечения нашего внимания. А в это время тяжелая и легкая артиллерия из резервов переправляется на восток в неизвестные места. Ваша задача в том, чтобы все же не упустить из вида альпийский корпус, который в ближайшие дни наверное исчезнет, как по волшебству. Пусть все ваши агенты следят за ним и за переброской артиллерии. Надо, чтобы Губерт отправился как можно раньше. Я отправил шины в Невшаталь Симону. Вам остается только поехать за ними. Действуйте, я рассчитываю на вас.

Сказав это, он продолжал:

— Теперь относительно фон Шнейда и компании: я недавно звонил в генеральный штаб, там берутся составлять ответы, которые вы должны будете ему давать о концентрации войск, американских лагерях и т. д. Они даже предложили сфабриковать документ о количестве прибывающих американцев, но я от него отказался. Чтобы неопытный агент тотчас же привез официальный документ, — это неестественно, и Шнейду это тотчас бросится в глаза. Ему также нельзя давать и неверных сведений. Надо придумать что-нибудь получше. Так или иначе, но не вы будете заниматься этим. Мюллер? Да, пожалуй. Как это устроить? Очень просто. Завтра возвращайтесь в Швейцарию, оставайтесь в Базеле или в Цюрихе. Отправитесь в романские кантоны только тогда, когда я пришлю вам ответ генерального штаба, передавая который, вы скажете Шнейду, что чувствуете себя нездоровым; когда же он захочет вам дать новое поручение, призовите баронессу к изголовью вашей постели и представьте ей Мюллера. После этого не занимайтесь больше этой парой, слышите?

Эти приказания были в точности выполнены.

На следующий день я был в Невшатале, где принял партию шин. Перевезя их в Базель, я поместил их у Шмидта. Через день Губерт взял часть этих шин и отправился во Фрейбург. В это время Эмиль, подкупив нескольких немецких таможенных чиновников, каждый день перевозил продукты. Он взял себе двух помощников и делал скромную, но полезную работу. Его сведения полностью соответствовали тем, которые привез мне Губерт. Таким образом, я имел возможность сообщить капитану, что альпийский корпус пока не двигается, 2-я гвардейская дивизия находится в районе Кольмара и что поезда с артиллерией и даже со снаряжением курсируют через мосты на Рейне,

между Кольмаром и Баденом, на восток. В день проходят по меньшей мере шесть таких поездов. Подобные же поезда отправляются и из Мюльгаузена, но здесь их не так много. Узнать, куда именно они направляются, нет возможности, так как люди, едущие в них, сами этого не знают.

Через шесть дней я получил ответ генерального штаба. В нем содержался полный рапорт об американских военных силах во Франции и некоторые другие сведения, предназначенные для того, чтобы направить внимание немцев на нужную нам сторону. Это требует большой тонкости и умения. Легко обмануть изолированного агента, который знаком только с одним сектором фронта. Но дело меняется, когда нужно давать сведения разведывательному центру, который получает, классифицирует и взвешивает сотни донесений в день. В этом случае агент, дающий неверные сведения, рискует быть разоблаченным с самого начала. Для меня же генеральный штаб очень хорошо все организовал. Мне даже присылалось множество мелких подробностей, которые я должен был давать при своих отчетах, чтобы увеличить их правдоподобность. Зная, что фон Шнейд не преминет поставить мне целый ряд вопросов, я потратил целый день на то, чтобы хорошо запомнить факты, числа и различные маршруты войсковых соединений.

Я немедленно написал баронессе и назначил ей свидание на следующий день в Лозанне. Я нашел ее такой же гордой и уверенной в себе, как и всегда. Все же в ее поведении я отметил какое-то стеснение. Она спросила меня, что произошло той ночью в Женеве. Понятно, я ничего не сказал ей о том, что невольно она дала мне возможность узнать уйму вещей, заинтересовавших нашу контрразведку.

— Я был в таком же состоянии, что и вы, — сказал я, — и даже не помню, провел ли ночь в постели, на диване или на полу. Мне очень стыдно, никогда в жизни я так не напивался.

— Бывают такие моменты, когда просто необходимо пить, — ответила она, — со мной это случается каждые два-три месяца. Как видите, не так уж часто.

Фон Шнейд принял нас вечером в «Королевской гостинице». Он остался очень доволен моим рапортом. Подвергнув меня настоящему допросу, полному волчьих ям и лопушек, с видом полного безразличия, он поздравил меня с прекрасной памятью и оплатил составленный генеральным штабом счет путевых издержек. Кроме того, он дал в виде задатка тысячу швейцарских франков. Он был щед-

рее, чем я, по отношению к своим агентам. Вечер я провел с Мартой, но очарование уже исчезло.

Я дал ей адрес отеля, где я остановился, и стал ожидать событий. Через несколько дней она письменно предупредила меня о своем приходе. Немедленно я улегся в постель, и, когда она зашла в комнату, «у меня был грипп и высокая температура». Рядом сидел Мюллер и щупал пульс с озабоченным видом. Представив их друг другу, я тотчас же принялся за дело.

— Вас наверное прислал начальник, — сказал я. — Он хочет послать меня во Францию, не так ли?

Сделав шаг к двери, она смотрела на меня, как на сумасшедшего.

— О, можете не беспокоиться, мой друг знает о моих предыдущих поездках, а так как он лишен всяких предубеждений, то предлагает заменить меня. Что касается меня, то вы видите, я не в состоянии отправиться в поездку.

Она была в нерешительности. Говорил ли я серьезно или это была ловушка? Представляя себя на ее месте, я не знал бы, как поступить. Но этот комедиант Мюллер так хорошо изобразил остолбенение и восхищение, вызванное ее приходом, что сумел усыпить ее подозрения.

— Надо, чтобы я объявила об этом начальнику, но думаете ли вы, что он будет доволен? Ах, снова вы ставите меня в неудобное положение.

— Я думаю, он скоро успокоится, — вмешался Мюллер, — вместо того чтобы иметь одного агента, их у него будет два, — вот и все.

— У вас странная манера улаживать подобного рода дела и вместе с тем навязываться людям, — сказала тогда баронесса, высокомерно глядя на Мюллера. — Кто поручится мне, что вы искренни и что ваш друг не обманывает нас?

Положив руку на сердце, тот ответил:

— Будьте уверены, мадемуазель, что если бы я даже и был одним из них, то вы настолько очаровательны, что заставили бы позабыть о своих обязанностях.

Фон Шнейд был страшно разъярен, объявил, что мое поведение «непростительно», и сопротивлялся целых два дня, после чего все же принял Мюллера, также сумевшего его пленить. Скоро они сделались превосходными друзьями.

Мюллер был послан в Марсель, Порт-Вандр и Бордо, где должен был достать сведения о наших колониальных вой-

ках. Он съездил в Порт-Вандр и Бордо, где еще ни разу не был, после чего провел два дня в Париже; здесь генеральный штаб или военное министерство составило ему донесение, в котором значительно преувеличивалась численность колониальных войск, сражающихся на нашей стороне. Но так как дезинформировать таким способом долго было невозможно, то у Мюллера появилась гениальная идея. Возвратившись в Швейцарию, он сообщил фон Шнейду, что у него была группа товарищей, готовых сорганизоваться в небольшой отряд и разрушать во Франции указанные им пункты. Немцы поддались на удочку. «Отряд Мюллера» никогда, впрочем, не удавалось произвести катастрофу в указанном немцами месте. Это происходило очень неожиданно в самых непредвиденных местах, не исключая и Северной Африки. Как только случалось какое-нибудь происшествие, благодаря цензуре, по приказанию капитана Дюма оно не печаталось в газетах немедленно, а сообщение его задерживалось на 12 или 24 часа, что давало возможность предупредить Мюллера, который объявлял, что на такой-то день он ожидает определенного покушения, взрыва или разрушения. Так, например, Мюллер приписал на свой счет обвал моденского тоннеля, задержавшего на несколько дней наши перевозки в Италию. После этого в кассу капитана Дюма прибыла большая сумма денег. Мне известно еще множество подобных случаев, благодаря которым Мюллер имел славу, а второй отдел разведки — прибыль.

Глава двенадцатая

БОЛЬШАЯ УДАЧА

Все мои агенты были заняты. Трое или четверо постоянно сменялись в Германии, и таким образом я получал от пяти до шести донесений в месяц.

Просматривая как-то объявления в базельской газете, я узнал, что печка, наконец, продается. Шмидт прибавил даже слово «спешно». В то время я находился в Берне, а через три часа звонил у его двери.

— Ах, как он будет рад вас видеть! — вскричала его жена, открывая мне дверь. — Со вчерашнего дня ему прямо не сидится на месте.

Узнав мой голос, он прибежал из спальни.

— Альпийский корпус уехал вчера утром, граница закрыта даже для провоза продуктов, но один таможенник у Сен-Луи сказал, что многочисленные поезда направляются к востоку. Ну, как, не правда ли, это хорошая работа?

Лицо его сияет, но потом оно делается озабоченным.

— И что только они хотят делать? Вот увидите, они прорвут какой-нибудь фронт, плохо защищенный на востоке.

На следующий день, после перерыва в 48 часов, граница снова открывается для торговли. Эмиль немедленно уезжает, и я узнаю через него, что весь тыл эльзасского фронта эвакуирован, но что продолжается переброска войск через железнодорожные мосты Верхнего Рейна. Губерт возвращается в Швейцарию с некоторым опозданием. Он был в районе Мюнхена и узнал, что баварские части оставили Эльзас и направились на восток.

Общественное мнение Мюнхена ожидает больших событий, но уже не с энтузиазмом первых месяцев войны, а с тревожной уверенностью, что это обойдется недешево.

— В Баварии, — говорит Губерт, — все настроены про-

тив пруссаков. Они только и знают, что брать наших сыновей на расстрел, нас же это больше не веселит. Что они хотят еще сделать на Балканах или же в Турции, так как весь этот людской поток направляется в ту сторону, на юго-восток? Что думают об этом у нас,— я не знаю. Капитан, кажется, настроен скептически и не верит в версию о юго-востоке и прорыве фронта.

Наконец, от Гроссмана поступает условленный призывной знак, и через четыре часа я нахожусь у него.

— Вот вам новости, — сказал он, толкая меня в свой рабочий кабинет, в котором уже находился человек лет 45—50 с энергичными чертами лица, державший себя просто, но уверенно. Это был тот самый Жером, который отказался помочь доктору Х. до наступления на Верден.

— Доктор находится сейчас в Карлсруэ и срочно послал меня к вам, — говорит он. — Сейчас он в военном госпитале производит операции. Вы понимаете, после тех больших атак, которые были еще так недавно.

— Да, да, мы все это знаем, — сказал Гроссман, — говорите дальше.

— Если вы будете меня все время перебивать, то мне понадобится еще больше времени, чтобы все рассказать. После событий при Вердене его перевели в тыл. Он был некоторое время в Штутгарте, но теперь, как я уже вам сказал, находится в Карлсруэ. Он узнал от своих друзей, живущих в Штутгарте, что через этот город перебрасывается большое количество войск.

— Да, по направлению к юго-востоку, — сказал я, — мы это знаем.

— К юго-востоку? Я бы сказал — к югу, это будет вернее. Так вот, все эти войска заново экипированы, везут с собой много полевой артиллерии и пулеметов.

Он замолчал, и я подумал, что он уже кончил. Немного разочарованный, я спросил:

— Знаете ли вы, что это за войска?

— Да. Первым делом, все те, что стояли в Эльзасе в течение двух недель, т. е. две дивизии из Нижнего Эльзаса, одна гвардейская дивизия из Мюльгаузена и альпийский корпус Баварии — лучшая часть всей немецкой армии. Баварцы, как говорил мне доктор, получили совсем новые наколенники и кожаные ремни для лазания по горам, точнее по Альпам.

— По Альпам? — вскричал я.

— Да, — продолжал монотонный и спокойный голос

Жерома, — на этот раз иметь дело с ними придется итальянцам.

— Не может быть. Что говорит доктор?

— Немецкое командование напоминает ему майского жука, который перед закрытым окном комнаты бросается то туда, то сюда и никак не может выбиться на простор. Он мечется из стороны в сторону, прорывает то русский, то румынский фронты, но разбивает себе нос о французские позиции. Ничто ему теперь не препятствует попытке счастья в Италии. Впрочем, это верные сведения. Несколько человек сообщало ему об одном и том же. Все эти войска едут по направлению к Доломитским Альпам, если не находятся уже там. Вот что сказал мне доктор, а это человек серьезный и болтать напрасно не станет.

— Я сейчас же поеду в Анесси, — сказал я, — откуда буду звонить капитану.

Поблагодарив Жерома, я протянул ему на прощание руку, но, вместо того чтобы ее пожать, он притянул меня к себе и сказал:

— Не забудьте сообщить ему, что перебрасывается XIV армия под командованием генерала фон Бюлова.

Этот человек любил производить неожиданные эффекты.

На вокзал прибегаю как раз во-время. Через несколько минут поезд трогается. Переехав границу, я тотчас же звоню капитану. Передача всего того, что я узнал, не заняла много времени. В редких случаях сообщения подобной важности были так немногословны.

— Очень хорошо. Возвращайтесь завтра обратно, а пока как следует отдохните. Да, я забыл вам сказать, что в настоящий момент Сен-Гобэн находится в Анесси. Вам необходимо с ним встретиться завтра утром.

Не знаю, каким образом узнал Сен-Гобэн, что я здесь, но он пришел ко мне и разбудил меня утром.

Одеваясь, я сообщил ему важную новость.

Несколько дней спустя разразилась катастрофа. Сконцентрированная немецкая XIV армия прорвала итальянский фронт.

Возвратившись в Швейцарию, я узнал, что в скором времени должны были судить Гекера. Чтобы показать, что я интересуюсь его судьбой, я решил присутствовать на суде и с этой целью отправился в Цюрих. Он даже не шевельнулся, узнав меня в зале суда. Его приговорили к одному году тюрьмы после красноречивой речи федерального прокурора, заклеившего распространение шпио-

нажа в стране, который угрожал развратить все слои общества, и сожалевшего, что не имел перед собой подстрекателя и соучастника, подсудимого француза Лефевра. Это был мой псевдоним для ячейки Гекера.

После своего освобождения этот честный человек сказал мне, как тронуло его мое внимание.

— Придя в зал суда, вы доказали, что доверяете мне, чем я безгранично горжусь.

Этот период времени был самым спокойным и тихим из всего моего пребывания в Швейцарии. Все было организовано и налажено. Агенты приезжали и уезжали, так сказать, автоматически. Эти дни, проведенные без особых тревог и волнений, были для меня настоящим отдыхом. Я часто бывал в Берне, Люцерне и Невшателе, где у меня была нанята маленькая меблированная квартирка.

Я часто видел Мюллера, много разъезжавшего между Францией и Швейцарией. Это он большей частью передавал мне приказания, которые Сен-Гобэн получал для меня. Он часто говорил о Марте Маковской, к которой, видимо, успел привязаться.

Дела фон Шнейда не имели больше для нас секретов, по крайней мере, нам так казалось, и не один раз я спрашивал себя с изумлением, как это немецкая разведка могла с подобной щедростью содержать агента, услуги которого казались мне скорее незначительными. Но скоро мы узнали, в чем тут дело.

Как-то раз Марта сказала Мюллеру, что ей требуется молодая приятная особа, хорошо говорящая по-французски. Мюллер привел ей Мари.

— Не могу понять, что происходит, — сказал мне Мюллер неделю спустя. — Мари оставила свой ресторан на улице Рюшонне, и никто ее больше не видел. Марта же говорит, что не наняла ее на службу, так как фон Шнейд не согласился на это.

Но через три дня Мюллер получил письмо, в котором Мари просила его приехать как можно скорее в Берн, где она будет его ждать, но не говорить об этом ни слова Маковской. На следующий день мы встретились с ней в кондитерской, которую она нам указала.

— Я не хочу участвовать в этом деле, — сказала она сердитым тоном.

И она рассказала нам, что фон Шнейд имел подкупленных швейцарских таможенников, которые направляли в некоторые бары и кабаčky Женевы всех попадавшихся им

французских дезертиров. Здесь эти несчастные встречали женщин, которые делали все возможное, чтобы те истратили все имеющиеся у них деньги, после чего отправляли их к фон Шнейду.

— Вот каков их образ действия, — сказала Мари. — Меня поместили в одном маленьком кафе на улице Альп. Я дожидалась несколько дней, но позавчера прибыл один француз, спросивший господина Леона, — это был условный знак. Хозяин очень ласково принял его и потом подмигнул мне. Тогда я подошла к дезертиру. Это был очень красивый молодой человек лет 25, но взгляд его не был прямым. Он казался таким усталым, что мне стало жаль его, но потом я узнала, что это была его манера держать себя. Он пригласил меня выпить с ним и тотчас же начал рассказывать истории. Потом я сделала все, что смогла, — прибавила Мари, краснея, — то я была голодна, то мне хотелось пить. Он все время платил, сначала охотно, но потом стал ворчать. Вечером я его оставила, так как все это начинало мне приедаться. Я отправилась к фон Шнейду, у которого застала польку.

— А где же дезертир? — спросила она.

— Спит на диване в кафе на улице Альп.

— Не надо было оставлять его одного.

— В таком случае идите к нему сами, — ответила я, — мне вовсе не улыбается обирать подобным образом людей.

— Но для этого-то мы тебя и взяли, моя милая. Очень глупо, что ты не поняла этого до сих пор. Имеются ли у него еще деньги?

— Не больше десяти франков.

— Очень хорошо, завтра утром ты нам его приведешь. Что это за человек?

Я ей объяснила.

— Да, к нему не надо будет иметь особого подхода, — ответила она.

Мюллер поглядел на меня.

— Как все же двуличны эти женщины! — вскричал он. — А я-то думал, что фон Шнейд и Марта не оправдывали тех денег, которые им давались.

— На следующий день, — продолжала Мари, — т. е. вчера утром, я пошла за ним в кафе, чтобы привести к фон Шнейду.

Через три часа он говорил мне:

— Я нашел работу и завтра возвращаюсь во Францию.

— Зачем?

— Это мое дело. Идем, я угощаю тебя хорошим завтраком.

Он пил много и вскоре сделался болтлив.

— Можете не скрываться от меня, я прекрасно знаю, что вы будете делать.

— Зачем же ты меня тогда спрашиваешь?

— Да, но как же вы проедете во Францию? У вас ведь нет документов.

— У меня нет документов? Ты так думаешь? А это что такое? Я теперь солдат 26-го пехотного полка Жак Фаро и нахожусь в отпуску — вот бумага. С ней я еду во Францию. А вот с этим я выезжаю оттуда, — продолжал он, вынимая из кармана еще одну бумагу, — это отпуск, вступающий в действие через десять дней, за это время я как раз успею увидеть то, что интересует этих господ.

— А сколько они вам за это платят?

— Перед отъездом тысячу франков, после приезда тысячу пятьсот, если я только привезу что-нибудь интересное, — не стыдясь, ответил он.

— И за эти-то деньги вы продаете свою родину и товарищей!

От злости и угрызений совести он побледнел, как мертвец.

— Во-первых, я никого не продаю, у меня нет родины и нет товарищей. С сегодняшнего дня боши мои братья, потому что они обеспечивают мне бифштекс. Тебе это понятно?

— Ну, так это будет его первым и последним путешествием, — прошептал Мюллер сквозь зубы. — Знаешь что, Мари, лучше тебе возвратиться в Женеву и подождать следующего подобного же господина. Ты могла бы способствовать поимке, по крайней мере, двенадцати людей раньше, чем Шнейд заметит, что ты приносишь ему несчастье.

— Нет, я отказываюсь. Без меня этот человек, может быть, не пошел бы на это.

— Она права, — сказал я, — одно дело выдать преступника, но она сама толкает его на плохую дорогу.

— Не беспокойся, — сказал Мюллер, — если не Мари, то тогда Марта возьмется за это дело. Поверь мне, что лучше знать их, хотя бы и подобным образом.

В его словах была доля правды, и Мари пришлось пойти на жертву. История повторилась еще с тремя дезертирами, но Маковская, подозревая кое-что, стала следить за ней.

Маковская была очень ревнива и часто устраивала сцены Мюллеру, который, со своей стороны, все меньше и меньше работал на фон Шнейда, так как с некоторых пор катастрофы сделались менее частыми. В один прекрасный день фон Шнейд каким-то образом обнаружил, что ему была дана неправильная дата производства какого-то взрыва, за который он дал щедрое вознаграждение. Ничего не говоря ни Мюллеру, ни Марте, которой он не доверял, зная, что она влюблена, он отправил заказным письмом из Бельгарда в штаб армии расписки, данные ему нами. Мой друг должен был оставить Лозанну и укрыться в Валлисе, чтобы замести следы. Фон Шнейд подумал, наверное, что во Франции нас задержали, и больше не стал нами заниматься. Что касается Мари, то она отправилась на родину.

Спустя некоторое время французское правительство опротестовало пребывание в романской Швейцарии Марты и ее начальника. Обе птички были взяты в самом гнезде и посажены под замок до конца войны, что позволило Мюллеру возвратиться к себе. Он был очень огорчен потерей своей возлюбленной и после окончания войны искал Луизу Немейер (настоящее имя баронессы Маковской) повсюду, даже в Польше, но найти ее ему не удалось.

КОНЕЦ БУРИ

Моя спокойная жизнь в Швейцарии должна была неожиданно нарушиться вследствие новой тревоги, которую под-
нял опять-таки Мюллер.

— На этот раз они знают, кто ты такой. Да, да. Не давал ли ты кому-нибудь фотографическую карточку своих детей?

Действительно, я доверил ее Кэти, с тем чтобы та показала ее моему управляющему Филиппу, интернированному, но сравнительно свободному в Ульме.

— Немцы нашли у нее эту фотографию, — продолжал Мюллер. — Они заставили ее признаться и сказать все, что она о тебе знала, т. е. что ты, по всей вероятности, лотарингец или эльзасец и отец этих троих детей. Знаешь, что они тогда выдумали? Они пересняли фотографию в сотнях экземпляров, и твои дети, таким образом, путешествовали по всем общинам Лотарингии и Эльзаса. В конце концов они узнали, кто был господин, пославший им красавицу Кэти, и выдали его швейцарским властям. Все это сообщил мне мой друг, полицейский чиновник. На этот раз дело серьезное. Правда, они еще не знают торгового представителя Луи Тибо, но это долго не продлится. Следовательно, тебе надо бежать.

Я все же не торопился так, как в прошлый раз. Упаковал свои вещи, а днем Рамюзо доставил меня во Францию.

В М. я провел три или четыре дня, после чего капитан решил послать меня в Н., откуда я смогу переезжать в Швейцарию всякий раз, как это понадобится. Был апрель 1918 г., и погода стояла превосходная. Я нанял в Н. за небольшую цену маленькую, но удобную виллу, где была веранда с видом на горы и небольшой садик. Вначале я ездил в Швейцарию только тогда, когда через посредство газет меня призывал один из моих агентов, но мало-помалу

моя жизнь опять влилась в прежнее русло, и большую часть времени я проводил за границей.

Я был подвергнут третьему перевоплощению и назывался теперь Луи Мюнье из Версаля. Режим Клемансо препятствовал свободному перемещению даже жителей пограничной полосы. Швейцарцы, наоборот, благопритствовали этому, поддерживая фикцию нейтральности в немецкой Швейцарии.

Французский полицейский комиссар предложил мне пограничный пропуск, снабженный специальным знаком, который должен был рекомендовать меня благосклонности французских жандармов и таможенников. Я энергично отверг подобную милость, которая, несомненно, должна была способствовать тому, что меня узнают также и швейцарские полицейские. Таким образом, я проходил границу большей частью контрабандным путем, что заставляло меня делать всякий раз лишь приятную прогулку, так как ни с нашей, ни с швейцарской стороны граница не была охраняема, и проходить ее было легко.

В Швейцарии я избегал останавливаться в отелях, что было совсем не трудно сделать, так как у меня были верные друзья и в Базеле, и в Лозанне, и в Люцерне, и в Невшателе, и в Цюрихе.

Хочу рассказать о двух неприятностях, которые мне пришлось пережить.

Работник одного разведывательного пункта, не имеющего к нашему никакого отношения, был отправлен в Германию и не вернулся. Так как это была его первая поездка, меня попросили перед отъездом проинструктировать его. Он оказался совершенно неподготовленным к такого рода делам, и я не сделал отсюда никакого благоприятного вывода.

Некоторое время спустя мне пришлось заняться одной женщиной, которая также не вернулась. Подобный случай повторился еще раз в течение этого же месяца. Тогда начальник этого пункта вызвал меня к себе, чтобы потребовать объяснений. Мое скверное настроение увеличило еще дальность и неудобство пути. К тому же я был того мнения, что мне вовсе не требовалось ехать к этому господину, он с таким же успехом мог приехать ко мне. Я сказал ему, что, оказывая ему услугу, я не считаю себя ответственным за ее последствия.

— О, это не так-то просто, как вы говорите, — ответил

он, — вам были доверены три агента, и все они исчезли. Что вы скажете на это?

Совершенно случайно, завтракая в буфете на станции Бельгарда, я увидел входящего Мюллера, все такого же веселого и нарядного. Он подсел ко мне, и я рассказал ему об этой неприятной истории.

— Понимаешь, — прибавил я, — еще немного и меня обвинят в предательстве. Начальник этих трех агентов утверждает, что его остальные агенты даже и не подозревали об их существовании.

— Меня это очень удивляет, — воскликнул Мюллер, — так как применение системы отделенных друг от друга ячеек я видел только в М. Знаешь что, поедем к нему вместе.

— Нет, с меня довольно и одного раза.

— Все же поедем, — сказал Мюллер, успокаивающе кладя мне руку на плечо. — Доедем туда на автомобиле и проведем ночь в этом очаровательном провинциальном городке, а завтра выясним все дело. Я знаком с этим господином...

Мюллер, действительно, был ценным человеком. От Парижа до границы, так же как и в Швейцарии, не существовало ни одного «шпионского гнезда», как он выражался, не исключая и людей «Интеллидженс Сервис», которые не имели бы с ним дела и не принимали бы его с распростертыми объятиями. Всем он оказывал услуги, и мне кажется, что капитан Сажер — единственный начальник, не принявший его в свое бюро, а лишь встретившийся с ним на границе во время коротких поездок, которые он делал.

Помню, что я, осторожный, как все возвращающиеся в подобном кругу, где везде и всюду чудилась измена, иногда говорил себе: «Если бы Мюллер захотел, если бы у него был немного более длинный язык или сам бы он в действительности увлекся Мартой, какой вред он мог бы нам принести».

Теперь я узнал из достоверных источников, что, когда это требовалось, он был нем, как рыба. Один факт доказывает это в достаточной мере. Вот он: в один весенний день 1917 г. он сказал мне с тревогой в голосе:

— Знаешь, старина, дела плохи. Неизвестно, выберемся ли мы из этого. У нас восстали целые полки, даже батальоны стрелков и артиллерия многих дивизий. Все правительство в панике.

— Что ты мне тут рассказываешь? — ответил я. — Разве ты не понимаешь, что если бы это была правда, то немцы немедленно этим воспользовались бы. Столько полков, дивизий, это не может остаться незамеченным и не отразиться на фронте. Невозможно, чтобы они этого не знали. Как бы то ни было, заклинаю тебя, не болтай об этом.

— Я этого и не делаю.

— Но мне-то ты это сказал! — воскликнул я.

— Потому что я знаю, что ты не проболтаешься.

Надо думать, о подобных вещах много не говорят. Один только Мюллер сообщил мне об этом, и только значительно позже мне подтвердили его слова. Немцы, — теперь это можно считать доказанным, — ничего не знали. Это был самый значительный неиспользованный случай, о котором говорит генерал Гофман. Факт этот доказывает, что их разведка имела большие пробелы и недостатки. Нам удалось частично победить их в этой области. Мы были лучше осведомлены о восстаниях в Киле.

Странная это была война, где во мраке тыла бились с еще большим ожесточением, чем при свете на полях брани. Сколько раз, будучи в Швейцарии, я чувствовал себя окруженным тучами и смертоносными газами обмана и предательства. Один, рассчитывавший только на себя, я знал, что у меня под ногами земля кишит волчьими ямами. Вокруг меня, сзади и передо мной было много замаскированных бойцов, принимавших личину тех, кем они в действительности не были. В человеке, который мне кажется врагом и которого я готов сразить, я неожиданно мог обнаружить союзника. Тот, кого я принимал за друга, — злоупотреблял, может быть, моим доверием и вырывал оружие из рук. Тот, кто кажется мне наиболее честным и прямодушным, не опасный ли это предатель? Товарищ, работающий вместе со мной, даже начальник, которого я уважаю и которому подчиняюсь, не служат ли они уже с давних пор у врага? Другой, преданность которого казалась доказанной неопровержимыми фактами, не подкуплен ли он после этого? Может быть, он имел большую нужду в деньгах или тайный порок? Что думают обо мне начальство и мои соратники? Для сопротивления подобному окружению требовались крепкие нервы. Я знал многих, которые, сделавшись неврастениками, должны были оставить эту работу.

Подобные мысли преследовали меня в продолжение всей

ночи, что я провел в городе, объявленном Мюллером восхитительным.

— Имеете ли вы фотографии ваших трех агентов? — спросил он на следующий день у К.

Нервные пальцы, порывшись в бумагах, извлекли три фотографии.

— Я знаю двух, — сказал Мюллер, — да, этих двух мужчин. Видите, вы ошибаетесь, когда утверждаете, что только вы знали их. Теперь скажите мне, вы уверены, что эта мадам Клер не была к ним близка?

— Они не делали, конечно, мне признаний на этот счет, — ответил наш собеседник, — но, мне кажется, что она не стала бы...

— Я совершенно с вами не согласен, господин К. Мадам Клер — любовница лейтенанта гвардии фон Доннерверта, красивого мужчины и настоящего дворянина. Имею основания полагать, что она от него без ума.

— Первый раз слышу, — пробормотал тот, — вы меня очень удивляете. Но я займусь этим, это не пройдет ей даром.

Вызванная своим начальником, мадам Клер, конечно, не явилась.

Некоторое время спустя Мюллер сказал мне:

— Я посоветовал приставить к мадам Клер агента. Не требуется, чтобы это был какой-нибудь «туз», достаточно, если он будет красив и сумеет заменить Доннерверта. Я думаю, что это можно будет сделать, надо только, чтобы он нанял комнату в том же доме, где она живет.

Четвертый акт драмы разыгрался в районе Жекса, после чего занавес опустился навсегда где-то на юго-востоке в одной из тюрем перед врытым в землю столбом. И это было правильно сделано, так как насколько я считаю чрезмерным расстреливать шпиона, настолько я буду безжалостен по отношению к предателю.

Агент прибыл из Парижа. Очень скоро он оказался в связи с красивой молодой женщиной. В один прекрасный день он пригласил ее сделать прогулку в автомобиле и повез ее по небольшой дороге, идущей вдоль границы. Сбоку тянулся ров, принадлежащий французской территории. Между прочим, эта часть границы имела ту особенность, что у некоторых домов парадный ход выходил на французскую сторону, тогда как двор помещался в Швейцарии.

Доехав до определенного места, машина остановилась.

Слева от дороги раскинулся маленький лесок, шоссейный сторож стоял во рву и резал кусты.

— В чем дело? Мотор в неисправности?

— Нет, нехватило бензина. Надо возвратиться в соседнюю деревушку, там можно будет его купить. К счастью, дорога идет вниз, и автомобиль спустится сам по себе.

Шофер двигает машину вперед на несколько метров, дает задний ход и, вероятно, не подумав, что сзади находится ров, попадает туда задними колесами и не может больше вылезти.

— Ах, какой неловкий! — вскричала Клер, но в этот момент ее спутник хватает ее в охапку, сторож также бросается к ней в то время, как из леса появляется еще один человек и со всех ног бежит на помощь. Ужас удесятерил ее силы, и она отчаянно отбивается. Трое мужчин еле справляются с ней, все же извлекают ее из автомобиля и тащат в лес в то время, как она поднимает отчаянный крик. Привлеченные этим шумом, появляются два швейцарских таможенника.

— Что вы делаете, — говорит один из них, — оставьте эту женщину в покое.

Но сторож, топнув о землю ногой, флегматично ответил:

— Франция.

— Задняя часть автомобиля во Франции, — подтверждает шофер, — следовательно, вас это не касается.

— Да, но передняя часть в Швейцарии, следовательно, ты пойдешь с нами, дружок.

Французы и швейцарцы расстаются, уводя каждый своего пленного.

О второй тревоге, которую я испытал (будет вернее, если я скажу — волнении), не стоило рассказывать, если бы этот случай не был довольно забавен. Причиной, правда невольной, оказался Эмиль.

Я уже, кажется, говорил, что он был похож на итальянского каменщика.

— С газетой «Дель Пополо» или «Секоло» в руке вы всюду сойдете за итальянца, — сказал я ему однажды.

Мысль понравилась ему, и он всегда имел при себе итальянскую газету, которую разворачивал в общественных местах, и делал вид, что читает.

Однажды, направляясь из Базеля в Цюрих, он тотчас же угадал в человеке, находившемся в его купе, агента противника. Подъезжая к вокзалу Ольтена, он заметил, что этот субъект чем-то обеспокоен и смотрит во все стороны,

как бы высматривая кого-то. Поезд уже отошел от станции, как вдруг дверь купе раскрылась и сюда прыгнул какой-то человек.

— У вас есть документ? — спросил первый тихим голосом.

— Да, у меня есть все, что надо, все в порядке, — прошептал тот.

За своей газетой, в которой он сделал отверстие, чтобы видеть, Эмиль все слышал и понял. Так как у него не оставалось сомнений, что оба субъекта — немецкие шпионы, он слез в Аарау и прямым путем направился в военный пост, находящийся на вокзале.

— Вам предстоит поймать двух французских шпионов.

— Где это?

— Идемте со мной, я вам покажу.

Оба путешественника были задержаны и приведены в пост, но доносчик не смог продолжать поездки и должен был присутствовать при допросе, после чего лейтенант, начальник поста, сказал ему:

— Вы смеялись надо мной, говоря, что это французские шпионы. Это немцы. Почему вы меня обманули?

— Потому что, — ответил иронически Эмиль, — если бы я сказал вам, что это немецкие шпионы, вы бы их не арестовали.

Офицер бросил на него раздраженный взгляд.

Неделю спустя немецкое консульство в Базеле вызвало Эмиля и подвергло его допросу, но Эмиль отказался отвечать.

— Эта шуточка вам дорого обойдется, — сказал ему консул, — она доказывает, что вы — французский агент. Вы еще услышите обо мне.

На второй день я приехал со Шмидтом в Базель, где должен был встретиться с Эмилем в буфете третьего класса за полчаса до отхода моего поезда. Я намеревался сделать ему замечание, так как всем своим агентам я рекомендовал никогда не вмешиваться самим в подобные дела. Он почему-то не приходил, а я не хотел пропустить поезд, и мы пошли на перрон.

В этот момент я заметил Эмиля и пошел к нему на встречу, но он безразлично посмотрел на меня, как бы не узнавая меня, и только тогда я заметил, что он не один. Рядом с ним шел жандарм, обращающий на него особое внимание. Как и я, они сели в поезд, идущий в Берн, где мой бедный Эмиль отсидел месяц предварительного заклю-

чения и еще месяц тюрьмы за то, что «ввел в заблуждение» лейтенанта швейцарской армии.

Если бы не присутствие духа, с каким он не узнал меня, я сам рисковал бы попасть в тюрьму на один год.

Вот при каких обстоятельствах я получил некоторое время спустя третье и последнее сообщение от доктора Х. о готовящемся наступлении на Марне. Как-то утром, находясь в Берне, я узнал через газету, что Шмидт хочет меня видеть. Через пять часов я был у него и нашел там Жерома, как всегда, спокойного, но на этот раз внутренне дрожащего от сдерживаемого нетерпения. Это я у него заметил в первый раз.

Доктор Х. просил передать, что против Марны, на том самом месте, где германская армия потерпела поражение в сентябре 1914 г., концентрируются войска и артиллерия. Они хотят победой смыть позор поражения и сделать решительный удар раньше, чем придут в большом количестве американцы, и восстановить престиж прусской династии. Они приложат громадное усилие, но оно будет и последним. Если этот удар не удастся, если эти лучшие войска, оставшиеся в Германии, не прорвут французский фронт, — для них война проиграна.

В этот же вечер капитана информировал не только я, но и Жером, который обязательно хотел его видеть, «чтобы не повторилась та же история, как с Верденом и Италией», — сказал он мне.

Но, увы, и на этот раз капитану Сажеру пришлось помучиться, что для него было не впервые. Наступление ожидалось, но не в этом месте и не так рано. Некоторые теоретики предсказали, что единственный возможный для них маневр должен был произойти в таком-то месте, которое находилось не там, где указывал нам доктор Х. Что было делать? Ценное время уходило в хлопотах, рапортах, следуемых друг за другом, телефонных звонках и т. д. Тогда у капитана появилась счастливая мысль прибегнуть к спокойному благоразумию генерала Кастельно, который находился поблизости от М.

Дело шло о проверенном информаторе, преданность и верность которого не поддавались никакому сомнению, поскольку он первый объявил о наступлении на Верден и Капоретто. Было ли допустимо пренебрегать его новым предупреждением?

Генерал понял, обещал сделать все возможное, немедленно пойти переговорить с Петеном. Вот каким образом

Гуро во-время получил приказание укрепиться на берегах Марны. Противника встретили пулеметы, отбившие натиск, и операция была, видимо, выиграна не только храбростью солдат и дальновидностью командования, но и благодаря находящемуся в лагере противника безвестному герою.

Все, кто мыслил и достойным образом оценивал события, испустили вздох облегчения. Мыс бурь остался позади. Было сделано сверхчеловеческое усилие и неудивительно, если мы несколько сбавили его. Напряжение, если по крайней мере судить по мне, пошатнуло у меня всю нервную систему, и теперь я был неспособен сосредоточиться и мобилизовать свою энергию. Чувствовалось, что мои агенты были в таком же положении, и я уже не имел силы толкать их. Я читал и слышал, как говорили, будто к концу войны разведка не справлялась со своей задачей и не была осведомлена о том, до какой степени Германия была деморализована. Это неверно, напротив, мы прекрасно это знали. Что касается меня, то я был уверен, что в один прекрасный день империя рухнет.

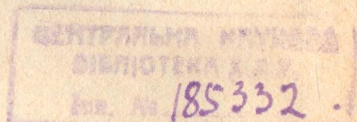
Последние месяцы войны — с августа по ноябрь — прошли, для меня по крайней мере, в своего рода оцепенении, смягчаемом время от времени получаемыми сведениями о моральном состоянии фронта и неприятельского тыла.

Четыре года работы в одной из разведок генерального штаба позволяют мне утверждать, что с теми возможностями, которые у нас имелись, лучшего сделать было нельзя. От начальника и до самого скромного вестового эти люди отдали все свои силы на благо Франции.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА	3
Глава I. Первые дни войны	5
Глава II. Будни	8
Глава III. Плодотворная работа	13
Глава IV. Путешествие в Германию	21
Глава V. „Проказы“ доктора Х.	30
Глава VI. Мои первые шаги в Швейцарии	41
Глава VII. Необыкновенное происшествие в Леррахе	51
Глава VIII. Загадочная встреча	62
Глава IX. Работа в тени	66
Глава X. Скрытые стороны дела	75
Глава XI. Шпионка сбрасывает маску	84
Глава XII. Большая удача	96
Глава XIII. Конец бури	103

7

Редактор старший политрук *Большаков*
 Техн. редакторы *Седмиградская* и *Горбунова*
 Корректоры *Черкесса*, *Косоурова*.

Сдано в производство 17.9.38
 Подписано к печати 13.12.38

Формат бумаги 84×103/32.
 Объем 7 печ. л. 5,7 уч.-авт. л.
 В бум. листе 152.000 знаков.

Упол. Главлита № Г 10090
 Изд. № 533
 Зак. № 678

Текст отпечатан на бумаге Камского бумкомбината.

Адрес изд-ва: Москва, Орликов пер., д. 3.

Отпечатано в 1-й типографии Государственного военного изд-ва НКО СССР
 Москва, ул. Скворцова-Степанова, д. 3.

